

<https://doi.org/10.19195/0137-1150.176.3>

Data przesłania artykułu: 25.03.2022

Data akceptacji artykułu: 20.04.2022

ELŻBIETA TYSZKOWSKA-KASPRZAK

Uniwersytet Wrocławski, Polska

(University of Wrocław, Poland)

Зигмунд Фрейд и его теории в романе Гоце Смилевского *Сестра Зигмунда Фрейда*

Sigmund Freud and his theories in Goce Smilevski's novel *Freud's Sister*

Abstract

This article presents an analysis of the characters in Goce Smilevski's novel *Freud's Sister* (2003–2010) and presents the theories of the Austrian psychiatrist, with which the narrator argues. The title character, on behalf of whom the narration is being conducted, is portrayed through psychoanalytic statements based on the memory and awareness of childhood traumas, the interpretation of dreams, and the analysis of the three-component structure of her personality at different points in her life. In her reasoning, the protagonist often refers to the theories of her famous brother, but does not always agree with his opinion. Smilevski, basing the plot on many facts from the life of Sigmund Freud and his family, does not set himself the goal of creating a biographical novel. Since information about the younger sister of the creator of psychoanalysis is rather scarce, the writer creates a story of a woman who became a forgotten victim of family relationships and social foundations at the turn of the 19th and 20th centuries.

Keywords: Goce Smilevski, Macedonian prose, psychoanalysis, Sigmund Freud

Sigmund Freud i jego teorie w powieści Goce Smilevskiego *Siostra Zygmunta Freuda*

Streszczenie

W artykule przeprowadzono analizę obrazów postaci powieści Goce Smilevskiego *Siostra Zygmunta Freuda* (2003–2010) oraz przedstawiono teorie austriackiego psychiatry, z którymi po-

lemizuje narrator. Tytułowa bohaterka i jednocześnie narratorka została sportretowana przez wypowiedzi psychoanalityczne oparte na pamięci i uświadomieniu sobie traum z dzieciństwa, interpretacji snów oraz analizie trójstopniowej struktury osobowości w różnych momentach jej życia. W swoich rozważaniach bohaterka często odwołuje się do teorii słynnego brata, ale nie zawsze zgadza się z jego opinią. Smilevski, opierając fabułę na wielu faktach z życia Sigmunda Freuda i jego rodziny, nie postawił sobie za cel stworzenia powieści biograficznej. Informacje o młodszej siostrze twórcy psychoanalizy są bowiem dość skąpe, dlatego pisarz sam tworzy historię kobiety, która stała się zapomnianą ofiarą relacji rodzinnych i fundamentów społecznych na przełomie XIX i XX wieku.

Słowa kluczowe: Goce Smilevski, proza macedońska, psychoanaliza, Sigmund Freud

Гоце Смилевский — современный македонский писатель среднего поколения (род. в 1975 году), автор эссе и трех романов *Планета неопытности* (*Планетата на неискуството*, 2000), *Разговор со Спинозой* (*Разговор со Спиноза*, 2002) и *Сестра Зигмунда Фрейда* (*Сестрата на Зигмунд Фројд*, 2003–2010). Роман *Сестра Зигмунда Фрейда* в 2010 году был удостоен Премии Европейского союза по литературе. Благодаря этой награде произведение приобрело популярность, переводилось и печаталось во многих странах, однако большого интереса критики оно не вызвало. В своей статье мы попытаемся раскрыть образы персонажей романа с помощью психоанализа и представить полемику протагонистки с идеями Зигмунда Фрейда.

Главной героиней и повествователем в романе является одна из пяти сестер Фрейда — Эстер Адольфина (1862–1943), которую в семье звали Дольфи. В биографических материалах о Фрейде информация о ней довольно скупа. Как известно, Фрейд в своих записках ограничивал до минимума сведения о своей личной жизни, касающиеся воспитания и семейных отношений. Он хотел стать известным благодаря своим идеям, а не личным особенностям. Это обстоятельство и стало причиной уничтожения большей части личных документов; например, в 1885 году он признался: „Я уничтожил все мои записки последних лет, а также письма, резюме моих работ и рукописи трудов” (Jacobs, 2006, с. 21). В течение своей жизни он делал это несколько раз, что очень осложняет работу его биографам.

Тем не менее некоторые замечания об Адольфине содержатся в письмах Фрейда его невесте Марте Бернайс, в которых он сообщает о совместных прогулках и походе через горный перевал в Альпах. Важную характеристику Адольфины брат дает в письме Марте от 9 сентября 1883 года: „Дольфи — самая любимая, самая лучшая из моих сестер. У нее такой богатый внутренний мир. Но, к сожалению, она чересчур утонченная натура и слишком впечатлительна” (Фрейд, 1994, с. 75). Сын Зигмунда Фрейда Мартин в своих воспоминаниях пишет об Адольфине как о женщине, ничем не примечательной. Он предполагает, что мать, с которой она постоянно проживала, подавила ее личность, а сама Адольфина не сумела от этой зависимости освободиться. По его мнению, жизнь в одиночестве (Дольфи — единственная сестра Фрей-

да, не вышедшая замуж) способствовала развитию особой эмоциональности, восприимчивости (Freud, 1993, с. 15). Сам Фрейд вспоминает о своей сестре, заботящейся об умирающем отце, в письме Вильгельму Флиссу: „Его страдания невелики; он угасает спокойно и с чувством собственного достоинства. Я не желаю, чтобы его болезнь затянулась, как не желаю и лишних мучений для моей незамужней сестры, которой приходится ухаживать за ним и которая очень от этого страдает” (за: Шур, 2005, с. 110). Как видим, и здесь подчеркивается тонкость психологического склада Адольфины. Сохранилась еще небольшая часть переписки Адольфины с братом, но она не содержит информации об их отношениях (Image 4 of Sigmund Freud Papers).

Именно эти черты — чувствительность, склонность к самоанализу и предчувствиям — использовал Смилевский для создания образа героини романа. В *Замечаниях автора* к одному из изданий *Сестры Зигмунда Фрейда* он пишет, что был изумлен отсутствием сведений о жизни сестер, оставленных Фрейдом в Вене на неизбежную смерть от рук нацистов. Из писем он узнал, что Адольфина жила одна, а ранее, несмотря на плохое отношение к ней матери, она заботилась о родителях вплоть до их смерти. Писатель так обосновывал свой выбор героини: „[...] тишина вокруг Адольфины настолько громкая, что я не мог написать свой роман по-другому, чем предоставляя ей голос” (Smilevski, 2012b). Более того, в одном из интервью сказано, что „Адольфина является метафорой тех, кто забыт” (Smilevski, 2014a).

Смилевский долго не мог найти должный способ изображения героини. Он написал три варианта романа, первый из которых отличается от последующих способом повествования: в нем выступает аукториальный нарратор, и потому стиль не имитирует воспоминаний героини, он нейтрален и в меньшей степени эмоционален, в отличие от повествования от первого лица в остальных вариантах, где автор создает идиолект повествователя-героини, иллюзию участия нарратора во всех событиях и непосредственной передачи его мыслей и чувств. Сюжет во всех трех версиях романа различается, причем в первой он больше отличается от двух последующих. Как признавался сам писатель, он начал писать роман в возрасте 28 лет, и в течение семи с половиной лет он искал „в лабиринте истории отголосков существования Адольфины, которая представала в воображении все в новом виде” (Смилевски, 2021), в результате чего возникли и были опубликованы три варианта романа. В статье мы будем пользоваться последним как наиболее продуманным и зрелым, к тому же переведенным на польский язык (Smilevski, 2014b).

Изображая семью Фрейда, писатель передал много реальных фактов о ее членах. Особое внимание уделил отношениям главной героини с братом Зигмундом и с матерью. Эти двое, особенно мать, оказали самое большое влияние на формирование ее личности и в конечном итоге — на ее жизнь. Биографы Фрейда описывают его мать Амалию как женщину властную, тре-

бующую у своих детей почти феодальной лояльности (Gay, 2003, с. 102), указывают на ее тяжелый характер, склонность к тирании и авторитарной власти (Roith, 1987, с. 110–111). Мартин Фрейд, вспоминая бабушку, пишет: „Никто не завидовал тете Дольфи, посвятившей свою жизнь заботе о своей старой, но вспыльчивой, как торнадо, матери” (Freud, 1993, с. 10). В письме Фрейда от 5 апреля 1918 года брату Александру также находим сведения о том, что Адольфина живет с пожилой матерью и заботится о ней, несмотря на разногласия и тяжелый характер Амалии (Freud, 1918).

Стоит заметить, что писатель не использовал для сюжета информацию об отце, который, вероятно, совращал своих младших детей. Фрейд рассуждал об этом в переписке с Вильгельмом Флиссом в 1897 году, уже после смерти Кальмана Якоба. В письме от 11 февраля этого года пишет: „К сожалению, мой собственный отец был одним из этих извращенцев и виноват в истерии моего брата [...] и нескольких младших сестер. Частота этого обстоятельства часто заставляет меня задуматься” (The complete letters).

Петр Люкимсон, представляя эти соображения Фрейда, предполагает, что такой сестрой могла быть именно Дольфи, которая вследствие поведения отца не вышла замуж. Исследователь задается вопросом, был ли Фрейд свидетелем этих сексуальных актов и какова была роль матери в этой ситуации (Люкимсон, 2014, с. 39). В свою очередь, Пол Феррис предполагает, что Фрейд на самом деле мог узнать об этом только на похоронах отца от одной из сестер. Это заставило его по-другому посмотреть на отца и породило теорию совращения, а отцы-совратители стали для него стереотипным образом совратителей малолетних (Феррис, 2001). Позже Фрейд несколько раз менял взгляды на эту проблему.

Смилевский не использовал в романе эту информацию, которая могла бы повлиять на сгущение проблемных факторов, формирующих личность его героини, и Кальман Якоб Фрейд упоминается им довольно редко. Согласно духу эпохи и еврейской традиции, главное воздействие на жизнь дочери автор приписал матери. Образ сестры Фрейда в романе не только „воскресил” из забвения эту женщину, но и стал поводом для опровержения некоторых взглядов венского психиатра. Существенное место в произведении занимает также изображение жизни душевнобольных, а также положение женщины в обществе конца XIX – начала XX века.

Действие романа, охватывающее всю жизнь Адольфины Фрейд, начинается в мае 1938 года, когда Зигмунд Фрейд готовится к отъезду в Лондон из Австрии, захваченной нацистами. Автор уже в самом начале представляет его в довольно сомнительном освещении: а именно как человека, лишённого эмпатии и абсолютно равнодушного к судьбе своих пожилых сестер. Адольфина не может простить брату, что в список уезжающих он не поместил имена своих четырех сестер, но в то же время не забыл о горничных и собаке. После смерти Фрейда она задумывается о чувстве вины, которое,

возможно, он испытывал, и верит, что только смерть избавила его душу от этих терзаний.

В своем повествовании Смилевский не учитывает факт, что Фрейд не создавал списка спасенных, и его отъезд из Вены состоялся благодаря усилиям и огромным расходам многих влиятельных лиц, в том числе Мари Бонапарт. У него самого не было возможности расширить группу уезжающих из Австрии, а старания его спасителей, нацеленные на сохранение сестер психиатра, не принесли желаемых результатов (Freud, 1993, с. 25). Писатель, обвиняя Фрейда в экстерминации своих сестер, значительно уходит от реальных событий его жизни¹.

Сам Фрейд долго не решался покинуть Вену, полагая, что доминация нацистов в Австрии лишь временная и что немцы не способны воплотить в жизнь нацистскую идеологию. Отношение создателя психоанализа к нацистам толкуется в романе с помощью его труда *Моисей и монотеизм* (1939). Повествователь объясняет его точку зрения на происходящее в стране фактом преклонения перед немецкой культурой и неким пренебрежением к своему происхождению:

Да се биде Евреин за брат ми беше дел од судбината, нешто што му беше доделено со раѓањето, нешто што не беше негов избор. Таму каде што не постои избор, во крвта, беше Евреин. Таму каде што може да се избере — ја беше избрал германската култура: тој сакаше нејзе да ѝ припаѓа, онака како што чувствуваше дека плодовите на таа култура му припаѓаат нему. Пред крајот на животот рече: “Мој јазик е германскиот. Мојата култура, моите достигнувања се германски. Се сметав себеси интелектуално за Германец, сè додека не го забележав раснењето на анти-семитските предрасуди во Германија и германска Австрија. Оттогаш претпочитам да се нарекувам себеси Евреин.” Токму така рече: “претпочитам да се нарекувам себеси Евреин”, а не: “се чувствувам Евреин”. (Смилевски, 2010, с. 16–17)²

Введение выводов Фрейда на тему превосходства немцев и немецкой культуры в начальную часть повествования, где речь идет о преступной идеологии национал-социализма, возникшей в Германии, ставит под вопрос идеализацию Фрейдом немцев и опровергает его уверенность в том, что „нация, которая родила Гете, не может так испортиться” (Люкимсон, 2014, с. 437).

Когда Фрейд, наконец, решил эмигрировать, спасти его сестер было уже невозможно. В романе они попадают в концлагерь Терезин и оттуда едут

¹ Первая часть романа, связанная с отъездом Фрейда из Вены, стала инспирацией для французского издателя, опубликовавшего книгу под заглавием *La liste de Freud – Список Фрейда*, отсылающего к фильму Стивена Спилберга *Список Шиндлера*.

² В статье цитаты будем приводить по оригиналу, относящемуся к 2010 году, не опубликованному на македонском языке. Перевод на русский язык был издан на основе второго варианта. Доступу к оригинальному тексту третьего варианта мы обязаны автору и польской переводчице – Наталье Лукомской.

в другой, где Дольфи гибнет в газовой камере³. Перед смертью она вспоминает свою жизнь, начиная с самых ранних впечатлений и углубляясь в свои эмоции, что напоминает сеанс психоанализа. Согласно теории Фрейда, жизнь опирается на память, и поэтому в заключение романа Смилевский вводит внутренний монолог героини, которая, умирая, называет, называет важные лица и события своей жизни:

Влегував во смртта и си ветував дека смртта не е ништо друго освен заборав
Влегував во смртта и си велев дека човечкото суштество не е ништо друго освен
помнење Влегував во смртта и си повторував дека смртта е заборав и ништо друго

Влегував во смртта и си повторував што сè ќе заборавам Влегував во смртта
и си повторував. (Смилевски, 2010, с. 246)⁴

В романе применена рамочная композиция: Адольфина представлена автором в 1938 году как старушка после аншлюса Австрии, затем она попадает в концлагерь и вспоминает свою жизнь, начиная с раннего детства и доводя до ее конца в газовой камере. Большинство описанных событий является литературным вымыслом: автор не ставит перед собой цель воспроизвести биографию Адольфины. Ведущим средством изображения становятся многочисленные психоаналитические высказывания, при этом героиня отлично знакома с теориями психоанализа, часто указывает на их схематизм и упрощенность, а иногда и опровергает их.

Согласно известному тезису Фрейда и Брейера, главным источником страданий истерика являются воспоминания. В свою очередь, ключом к причине симптомов болезни было определение самых ранних травматических опытов пациентов, что требовало возвращения в прошлое (Gay, 2003, с. 84). Смилевский ставит свою героиню в ситуации, когда в ее памяти всплывают различные события из ранних этапов жизни и связанные с ними чувства.

Повествование героини является свидетельством того, что на ее невротическую личность и последующую судьбу, прежде всего, повлияли отношения с матерью и братом, а также социальные устои, в которых ей пришлось жить. В конструкции образа Адольфины проявляется фрейдовская теория о трех структурных элементах личности: „Оно” („Ид”), „Я” („Эго”) и „Сверх -я” („Супер-Эго”). Первая из этих составляющих, будучи бессознательным, подчиняется принципу удовольствия и включает все желания, связанные с удовлетворением основных физиологических потребностей. Фрейд писал:

Наиболее архаичную из психических провинций (инстанций) мы называем сферой Оно; содержанием её является всё, что нами унаследовано, присутствует с самого

³ Что касается факта смерти Адольфины, то она умерла в 1942 году в концлагере „Малый Тростинец”, но не в газовой камере, а от голода или кровоизлияния в мозг в состоянии крайнего истощения организма. Три остальные сестры действительно погибли в газовых камерах: Мари и Паулина в „Малом Тростинце”, а Роза в Треблинке. Все в 1942 году.

⁴ В русском переводе заключительная небольшая глава об умирании и смерти героини пропущена.

рождения и напрочь укоренено в нашей конституции. А это, прежде всего, влечения, берущие своё происхождение в теле и находящие тут для себя проявления в неизвестных для нас формах. (Фрейд, 2014)

У героини с самого раннего детства эта сфера явно не удовлетворена, что способствует развитию неврозов. Адольфина признается, что ей никогда не удается вызвать воспоминания, связанного с любовью матери и чувством безопасности в младенчестве, когда мать брала ее на руки и кормила грудью. Жажда возвращения, хотя бы мысленного, в это время свидетельствует о неутолимой нужде в материнской заботе и бескорыстной любви. Оказывается, героиню воспитывала красивая и властная мать, которая по отношению к болезненной и робкой дочери проявляла как нежность, так и презрение и ненависть. В признании героини несколько раз повторяется мысль об эмоциональной боли, сопровождающей ее всю жизнь:

На почетокот од мојот живот беше болката. Нешто како тивко капеење на крв од скриена рана. Капка по капка. Многу боледував во детството, но мојата болка не беа моите болести, туку мојата мајка. Можеби и јас бев болката на нејзиниот живот, или бев онаа точка во која се среќаваа и разделуваа сите нејзини болки. (Смилевски, 2010, с. 37)

В самые трудные моменты жизни она вспоминает слова матери: „Ке беше подобро да не те родев” (Смилевски, 2010, с. 37). Ужас, рождаемый этими словами, проявлялся в повторяющихся сновидениях Адольфины, в которых мать топила ее в реке или под видом монстра раздирала ее на части, а в другой раз — дочери под видом птицы обрывала голову и поливала кпятком. Эти физические издевательства были проекцией чувства отвержения собственной матерью и опасений девочки, лишенной любви и опоры. К тому же сюжет сна, в котором героиня отождествляется с птицей, сходен с рассуждениями Фрейда о животных в детских сновидениях. В работе *Тотем и табу* (1913) психоаналитик утверждал, что ребенок принимает мир животных как что-то близкое, натуральное, не замечая разницы между ним и миром людей. Более непонятным и загадочным ему кажется мир взрослых (Фрейд, 1997, с. 183).

Слова матери сопровождали женщину всю жизнь, что привело ее к неуверенности в себе и потере собственного достоинства. Авторитарная мать навсегда искалечила психику этой интеллигентной и чувствительной девочки, постоянно критикуя ее и утверждая в непригодности для полноценной жизни. Самой Адольфине сложно было отвоевывать свое место в мире, который в то время не был приветлив к женщинам.

В отношении героини к матери проявляется и структура „Я”, которая рациональна и связана с окружающим миром посредством восприятия (Фрейд, 2014). Уже во взрослой жизни она толкует поведение и речи матери не только

по отношению к своим детским нуждам, а как перенесение⁵ своих эмоций и разочарования в жизни. Смилевский изображает Амалию Фрейд как женщину глубоко несчастливую в семейной жизни с мужем намного старше ее и в исполнении обязанностей, связанных с воспитанием многочисленного потомства:

И дури многу подоцна, кога беше доцна за сѐ, ги сфатив тие зборови: изговарајќи ми ги мене, кажувајќи ги за моето постоење, таа всушност сакаше да си каже и на самата себе: “Ќе беше подобро да не се родев.” Преживуваше така што омразата кон своето постоење, кон оние нешта од животот кои ѝ беа поужасни и од непостоењето, ја делеше на две. (Смилевски, 2010, с. 39)

В структуре „Я” Адольфины соперничают, с одной стороны, неоправданное матерью желание любви, сострадания и поддержки, с другой, — ожидаемые обществом подчинение родителям, уважение и уход за ними. Эти последние принадлежат „Сверх-я”, составленному из ценностей, принятых норм и морали. Несмотря на ощущение неприязни со стороны матери и даже деструктивное влияние на ее личность, Дольфи не решается уйти от нее, поскольку это противоречит нравам эпохи и их среды. Даже в те моменты, когда жизнь с матерью кажется невыносимой, она не сопротивляется открыто, но под предлогом ухудшения состояния здоровья уходит на некоторое время жить в психиатрическую больницу.

В венскую психиатрическую клинику „Гнездо” Смилевский помещает также Клару Клинт — сестру известного художника. Ее отношения с матерью напоминают ситуацию Адольфины, однако она открыто борется против общественных устоев, ограничивающих права женщин. Судьба Клары напоминает об участии первых суфражисток — непонимаемые в своей среде, они нередко считались умалишенными. Изображение психиатрической больницы, в которой пребывают героини, дает возможность представить методы лечения душевнобольных и показать эволюцию отношения к ним. По сути — это история отвержения, отсутствия эмпатии, насилия и издевательств над больными. Этот своеобразный очерк заканчивается новаторскими для того времени теориями Фрейда и его методами лечения.

Другим человеком, повлиявшим на судьбу протагонистки, был ее брат — Зигмунд. Он появляется в воспоминаниях Адольфины с самых ранних лет жизни:

во времето кога за неа многу нешта на светот сѐ уште немаа име, едно момче ѝ подале остар предмет и рече: “Нож”; во времето кога сѐ уште веруваше во бајките, еден глас ѝ шепотеше за птицата која со клунот си ги раскинува градите и од нив си го откорнува срцето; во времето кога допирите ѝ кажуваа повеќе од зборовите, една рака се приближи до нејзиното лице и со јаболко го погали нејзиниот образ. Тоа момче од нејзините спомени кое ја гали со јаболко, кое ѝ шепоти бајка, кое ѝ подава нож, е брат ѝ Зигмунд. (Смилевски, 2010, с. 3)

⁵ Об эффекте переноса Фрейд писал между прочим в работе *О динамике переноса* (2012), *Замечания о любви в переносе* (1915) (см. Голдсмит, 2015).

Эти три символа предвещают событие, определившее жизнь Дольфи. Но прежде, еще в детские годы, она изображается писателем как самая любимая сестра будущего психиатра. Доверительные отношения между ними продолжались несколько лет до момента, когда девочка увидела брата, занимавшегося онанизмом. Этот факт шокировал ее, она почувствовала, что весь прежний мир рухнул, что самый близкий ей человек отдалился. Осознание случившегося как огромной измены в жизни, потеря самых близких и дорогих связей вызвали у девочки боль и страх перед будущим. К осмыслению данного эпизода повествователь также подводит одну из теорий Фрейда о зарождении женственности. По мнению венского психоаналитика, она наступает, когда девочка впервые видит мужские гениталии, в этот момент у нее появляется зависть к пенису. Именно возникшая зависть, как считал Фрейд, играет фундаментальную роль в формировании женской сексуальности (Фрейд, 2017а, с. 57–62; Фрейд, 2017b, с. 120–128). Вспоминая свои сложные эмоции, Адольфина не может простить брату подобного упрощенного толкования сложного процесса созревания, не понимает, почему объяснением служит именно зависть, а не тоска и страх, связанные с различием между полами, или просто равнодушие к этому различию. Она сама считает, что становление женского начала — процесс сложный и индивидуальный, и подвергает сомнению взгляды брата, считающего главными элементами анатомическое различие и зависть:

Тој не допушти тоа забележување на разликата, кај некои од девојчињата-кои-стануваат-жени да поттикне и поинакви чувства, а не само завист; ја стави зависта како место околу кое се создава Јас на секоја жена. Станувањето женско според брат ми не беше резултат само на биолошка предопреденост, не беше анатомски факт, ниту пак метафизичка даденост и нешто што лежи во неодгатливоста на душата, туку беше процес придвижен од зависта. (Смилевски, 2010, с. 46)

Самым драматичным моментом жизни Адольфины, в котором участвовал Зигмунд, оказался аборт. После самоубийства возлюбленной женщина призналась брату, что забеременела, а тот, пользуясь знакомствами среди медиков, организовал процедуру прекращения беременности, которая в то время была запрещена. Этот случай также выявил сложность человеческой личности, борьбу „Супер-я” и „Оно”: героиня сама попросила брата сделать аборт, осознавая социальные предписания, но одновременно внутри нее все сопротивлялось, поскольку она теряла единственное существо, являвшееся продолжением погибшего мужчины, на которое она могла бы излить свои чувства. Рациональное „Я” решает поступить согласно общественным требованиям, с учетом отсутствия средств на содержание ребенка, с полным осознанием предстоящей потери. В разговоре с братом героиня признается:

“Сé ќе биде добро.”

“Добро? Можеби ќе биде добро, ама не сé,” реков. “После ова, нема да има ништо.”

[...] “Сé ќе биде исто како што е сега.”

“Тоа е најстрашно.” [...] “Сé ќе биде исто, и сé ќе биде ништо.” (Смилевски, 2010, с. 134)

Именно с данной ситуацией сопрягаются часто вспоминаемые протангониистой фрейдовские символы: нож можно здесь толковать как мужские гениталии, но и как инструмент заданной агрессии; яблоки ассоциируются с женскими грудями, а те — с материнством и, наконец, рассказ о птице, вырывающей собственное сердце, символизирует агрессивность, направленную, чаще всего, против детей, а здесь — аборт (см. Mościcki, 2008, с. 155).

Единственным материальным следом не сложившегося материнства Адольфины было кровавое пятно на стене рядом с кроватью, постоянно напоминавшее о случившемся. Но остался также след в психике женщины, проявлявшийся в снах:

Еднаш сонував како домот ми се поплавил. Вода доаѓаше отсекаде. Дали е ова Потоп?, се прашував во сонот. Сакав да бегам, ама од меѓу сидовите се слушаше детски плач. Тоа се моите деца, некој ги засидал меѓу сидовите, си велел во сонот. Гребев со прстите по сидовите, го корнев сидот, сидот ми ги корнеште ноктите. Водата надоаѓаше сé посилно, ми ја поклопи главата и ме давеше. А јас и под водата го слушав детскиот плач од меѓу сидовите. (Смилевски, 2010, с. 120)

Рассуждая о толковании сновидений, героиня полагает, что некоторые сны отражают наши страхи, а не только исполнение желаний, о чем писал в своих работах Фрейд.

В целом венский психиатр не изображается в романе столь односторонне: он представлен читателю как сложная, даже противоречивая личность. В образе Фрейда проявляются рационализм, верность биологическим концепциям человека, с одной стороны, и чувствительность, восприимчивость к искусству, стремление к постижению тайны человеческой психики, с другой. Основные свойства героя — это увлеченность выявлением механизмов психики и чувство призвания:

Благодарение на тоа што внимателно ги слушав моите пациенти, дојдов до важни сознанија за тоа како функционира човечкото суштество. Со моето откритие на несвесното, со објаснувањето дека токму оној дел од нас кој ни е скриен и непознат, ги одредува нашите мисли, чувства и постапки, јас сум на пат да го сменам светот. Тоа ќе биде третата голема револуција во човековото поимање на светот и себеси, по онаа на Коперник и Дарвин. (Смилевски, 2010, с. 175–176)

Согласно теории Дарвина, он считает материнство актом продолжения рода и одновременно восхищается картинами на выставке „Богоматерь и Сын Божий”. В романе дана интерпретация одного из вариантов полотна Джованни Беллини — *Мадонна с младенцем*, а также картины *Распятие*. В действительности же Фрейд попытался провести анализ личности другого представителя итальянского Возрождения — Леонардо да Винчи на ма-

териале картины *Святая Анна с Мадонной и младенцем Христом* в очерке *Леонардо да Винчи. Воспоминания детства* (1910) (Фрейд, 1991). Детские травмы и их последствия (разлука с бедной биологической матерью, воспитание в богатой приемной семье), обнаруженные психоаналитиком в личности да Винчи, отчасти нашли отражение в судьбе другого героя романа — возлюбленного Адольфины Райнера. А творения Беллини стали в произведении Смилевского предлогом для рассуждений о религии и, особенно, о вере в бессмертие.

В труде *Будущее одной иллюзии* (1927) Фрейд отмечал, что одной из причин невротических комплексов является религия, так как в проекции религиозного закона есть основа подавления влечений, фрустрации потребностей (Романов, 2014, с. 32). Австрийский психиатр утверждал, что религию „можно было бы считать общечеловеческим навязчивым неврозом” (Фрейд, 1989, с. 128–131). Адольфина была уверена: отказ ее брата от религии стал возможен потому, что тот был убежден в своем бессмертии благодаря открытиям и работам по психологии человека.

Смилевский не отказывает Фрейду и в огромной страсти к научным исследованиям, в стремлении разгадать тайну психики человека, его эмоциональности, тайну мотивов действий и причин заболеваний. Придерживаясь теории Дарвина, он не останавливался на исследовании человека лишь в биологическом аспекте, а желал заглянуть вглубь человеческой природы, открыть соотношение телесности и психики. Фрейд показан человеком, уверенным в себе, убежденным в правильности своих теорий, приравнивавшим результаты своих исследований к астрономической революции Коперника. Его вера в возможности психоанализа как метода лечения была столь сильна, что Фрейд не боялся провозглашать свои идеи, понимая, что рискует навлечь на себя насмешки и сильное сопротивление других психиатров. В романе в качестве примера его оппонента представлен доктор Гете — главный врач психиатрической клиники, в которой пребывала Дольфи.

В романе *Сестра Зигмунда Фрейда* Смилевский применяет психоаналитический инструментарий для изображения главных персонажей, особенно заглавной героини Адольфины. Психоаналитические высказывания, толкование сновидений, воспоминания самых ранних эпизодов жизни позволяют создать образ женщины интеллигентной, нежной, ранимой. Критик „The New York Review of Books” Джойс Кэрол Оутс упрекала автора в неправильном подборе качеств характера протагонистки, представившем ее женщиной крайне пассивной, избегающей людей и умственно отсталой (Oates, 2012). В ответ Смилевский аргументировал такой образ своей героини тем, что выявил свойства человека, замкнутого в себе, но склонного к самоанализу и рефлексии о смысле бытия (Smilevski, 2012a). Можно также добавить, что портрет сестры Фрейда обусловлен и социальным статусом женщин в конце XIX – начале XX веков, и традициями еврейской семьи. Необходи-

мо учитывать и тот факт, что Адольфина представлена в романе как знаток и оппонент теорий своего брата. В свою очередь, Зигмунд Фрейд изображается как сложная и противоречивая личность: он эгоцентричен, не всегда заботится о своих близких, но в то же время он чувствителен к искусству, увлечен теорией психоанализа, который, по его мнению, станет основой переворота в психиатрии. Несмотря на некоторые разночтения в изображении биографии семьи Фрейда, Смилевский все же наметил реалии и атмосферу эпохи как фон для новых идей психоанализа и для судьбы Адольфины, представляющей метафорой забытой жертвы семейных и социальных отношений.

Библиография

- Голдсмит, Г. (2015). История концепции переноса. *Журнал практической психологии и психоанализа*, 4 [Goldsmith, G. (2015). Istoriya kontseptsii perenosa. *Zhurnal prakticheskoy psikhologii i psikhoanaliza*, 4]. Взято из: <https://psyjournal.ru/articles/istoriya-kontseptcii-perenosa> (дата обращения: 15.01.2022).
- Люкимсон, П. (2014). *Фрейд: История болезни*. Москва: Молодая гвардия [Lyukimson, P. (2014). *Freyd: Istoriya bolezni*. Moskva: Molodaya gvardiya].
- Романов, А. (2014). Теология невроза. *Дискурс-Пи*, 1 (14), с. 32–40 [Romanov, A. (2014). Teologiya nevroza. *Diskurs-Pi*, 1 (14), s. 32–40].
- Смилевски, Г. (2021). Моя переписка с писателем — письмо от 18 июля [Smilevski, G. (2021). Moya perepiska s pisatelem — pis'mo ot 18 iyulya].
- Феррис, П. (2001). Зигмунд Фрейд. Минск: Издательство „Попурри” [Ferris, P. (2001). Zigmund Freyd. Minsk: Izdatel'stvo „Popurri”]. Взято из: http://www.lib.ru/PSIHO/FERRIS/freid.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 7.01.2022).
- Фрейд, З. (1989). Будущее одной иллюзии. В: Ф. Ницше, З. Фрейд, Э. Фромм, *Сумерки богов* (с. 94–142). Москва: Политиздат [Freyd, Z. (1989). Budushcheye odnoy illyuzii. V: F. Nitshe, Z. Freyd, E. Fromm, *Sumerki bogov* (s. 94–142). Moskva: Politizdat].
- Фрейд, З. (1991). *Леонардо да Винчи: Воспоминание детства*. Москва: Рудомино [Freyd, Z. (1991). *Leonardo da Vinchi: Vospominaniye detstva*. Moskva: Rudomino].
- Фрейд, З. (1994). *Письма к невесте*. Москва: Московский рабочий [Freyd, Z. (1994). *Pis'ma k neveste*. Moskva: Moskovskiy rabochiy].
- Фрейд, З. (1997). *Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии*. Санкт-Петербург: Алетейя [Freyd, Z. (1997). *Totem i tabu. Psikhologiya pervobytnoy kul'tury i religii*. Sankt-Peterburg: Aleteya].
- Фрейд, З. (2014). Очерк психоанализа [Freyd, Z. (2014). Ocherk psikhoanaliza]. Взято из: <https://psychoanalysis.pro/857/freyd-z-ocherk-psihoanaliza> (дата обращения: 23.01.2022).
- Фрейд, З. (2017a). Инфантильная сексуальность. В: З. Фрейд, *Очерки по психологии сексуальности* (с. 44–77). Москва: Эксмо [Freyd, Z. (2017a). Infantil'naya seksual'nost'. V: Z. Freyd, *Ocherki po psikhologii seksual'nosti* (s. 44–77). Moskva: Eksmo].
- Фрейд, З. (2017b). О нарциссизме. В: З. Фрейд, *Очерки по психологии сексуальности* (с. 116–155). Москва: Эксмо [Freyd, Z. (2017b). O nartsissizme. V: Z. Freyd, *Ocherki po psikhologii seksual'nosti* (s. 116–155). Moskva: Eksmo].
- Шур, М. (2005). *Зигмунд Фрейд: жизнь и смерть*. Москва: Центрполиграф [Shur, M. (2005). *Zigmund Freyd: zhizn' i smert'*. Moskva: Tsentrpoligraf].

- Freud, M. (1993). *Freud — mój ojciec*. Warszawa: Wydawnictwo Interpress.
- Freud, S. (1918). *Letter from Sigmund Freud to Alexander Freud*. April 5, 1918. Letters of Sigmund Freud 1873–1939, 320. Взято из: <https://www.pep-web.org/document.php?id=zbk.051.0320a> (дата обращения: 10.02.2022).
- Gay, P. (2003). *Freud. Życie na miarę epoki*. Poznań: Zysk i S-ka Wydawnictwo.
- Image 4 of Sigmund Freud Papers: Family Papers, 1851–1978; Correspondence with Sigmund Freud, 1876–1974; Freud, Adolfine („Dolfi”) (sister), 1885, 1915, 1924–1930, 1938. Взято из: <https://www.loc.gov/resource/mss39990.00120/?sp=4&r=-0.159,0.472,1.376,0.835,0> (дата обращения: 8.01.2022).
- Jacobs, M. (2006). *Zygmunt Freud*. Gdańsk: Gdańskie Wydawnictwo Psychologiczne.
- Masson, J.M. (ред.). (1985). *The complete letters of Sigmund Freud to Wilhelm Fliess, 1887–1904*. Cambridge: Harvard University Press. Взято из: <http://www3.haverford.edu/psychology/ddavis/fliess.html> (дата обращения: 2.02.2022).
- Mościcki, P. (2008). *Figury zwierzęce u Freuda*. В: Z. Rosińska, J. Michalik, P. Bursztyka (ред.), *Freud i nowoczesność* (с. 149–162). Kraków: Universitas.
- Oates, J. C. (2012). A Very Sad Freud. *The New York Review of Books*, December 6. Взято из: <https://www.nybooks.com/articles/2012/12/06/very-sad-freud/> (дата обращения: 15.12.2021).
- Roith, E. (1987). *The Riddle of Freud*. London: Tavistock Publications.
- Smilevski, G. (2010). *Sestrata na Zigmund Frojd*. Третий авторский вариант романа на македонском языке. Этот вариант был опубликован только в переводах [Smilevski, G. (2010). *Sestrata na Zigmund Frojd*. Tretyi avtorskiy variant romana na makedonskom yazyke. Etot variant byl opublikovan tol'ko v perevodakh].
- Smilevski, G. (2012a). Freud's Sad Sister. *The New York Review of Books*, December 20. Взято из: <https://www.nybooks.com/articles/2012/12/20/freuds-sad-sister/> (дата обращения: 15.12.2021).
- Smilevski, G. (2012b). *Freud's Sister*. New York: Penguin Books.
- Smilevski, G. (2014a). *Adolfina is a Metaphor for the People that are Forgotten*. Взято из: <https://www.euractiv.com/section/languages-culture/interview/smilevski-adolfina-is-a-metaphor-for-the-people-that-are-forgotten/> (дата обращения: 12.01.2022).
- Smilevski, G. (2014b). *Siostra Zygmunta Freuda*. Warszawa: Grupa Wydawnicza Foksal.